

Основные замечания по этой главе сводятся к следующему. Трудно предположить, что парные коньки, венчающие кровли крестьянских изб Верхнего Поволжья, являются видоизменением одинарных коньков, завершающих комель охлупня (стр. 38). Украшение кровли парными коньками, по всей вероятности, было известно уже очень давно. Парные коньки были распространены у русских локально, преимущественно в районах Верхнего Поволжья (б. Ярославская, Костромская, отчасти Нижегородская губ.). На большей части территории, заселенной русскими, украшался коньком конец охлупня, а парные коньки не были известны⁴. Пока еще не удалось выяснить причину такого ограниченного распространения архитектурных парных коньков на русских жилищах и установить время их появления. Для решения этого вопроса требуются дополнительные археологические и письменные источники.

В этой главе, как и в предыдущей, сказалось чрезмерное увлечение автора резьбой более северных поволжских районов и стремление представить судовую резьбу южных районов как заимствование более высокого мастерства резчиков северных поволжских районов. Особенно сильно эта тенденция проявилась при описании резных украшений наличников окон (стр. 44, 47).

Большую ценность и интерес для исследователей народного искусства резьбы представляют опубликованные в конце работы «Каталог архитектурной резьбы Поволжья» и таблицы иллюстраций.

В целом обе рецензируемые работы содержат ценный материал по рельефной судовой резьбе Верхнего Поволжья и окажут большую помощь при исследовании сложных, окончательно еще не разработанных вопросов генезиса и развития этого своеобразного вида русского народного искусства.

Л. Н. Чижикова

НОВЫЕ АНТОЛОГИИ БЫЛИН *

Сборниками былин, вышедшими в свет в самом конце 1957 г., составители и издательства ответили на давно ощущавшуюся потребность в большой антологии былин, которая знакомила бы широкие круги читателей с основным сюжетным составом русского былинного эпоса¹.

Первый из рецензируемых сборников составлен с явной ориентацией в первую очередь на студентов филологических факультетов. Он отличается большой полнотой охвата материала. В сборник, помимо почти всех основных сюжетов собственно богатырских былин, включено еще несколько более поздних эпических произведений, представляющих собой переложение в былинную форму сказок, местных преданий и литературных повестей, а также образцы произведений, отчасти примыкающих к былинам, — близкие к ним баллады и так называемые «шутовые старины»; в приложении даны два текста донских былинных песен. Кроме того, в отдельных случаях сюжет дается в двух разных вариантах или версиях. Таким образом, сборник включает богатый материал для довольно основательного знакомства с эпосом.

Качество всякой антологии зависит от умелого подбора текстов былин, которые должны, во-первых, явиться лучшими в идейно-художественном отношении, во-вторых, — показательными для общего характера эпоса и путей его развития. И с той, и с другой стороны сборник в целом заслуживает положительной оценки, хотя некоторые отдельные упущения имеются. Бросается в глаза отсутствие былины «Королевицы из Крякова», получившей высокохудожественную обработку в творчестве сказителей Рябиных, и былины «Роман и Марья Юрьевна». В антологии с широким охватом материала эти две былины, связанные с историческими переживаниями эпохи татарских нашествий, думается, должны были иметь место. Нет и таких характерных для процесса развития эпоса былин более позднего слоя, как «Идолище сватается за

⁴ Подобные парные коньки были распространены также в Белоруссии, Прибалтике и на территории Восточной и Западной Европы: в Венгрии, на юго-западе Чехии, в Хорватии, Польше, Швеции, Норвегии, Германии, Швейцарии, Голландии.

* «Былины». Вступительная статья, подбор текстов и примечания П. Д. Ухова. Под общей редакцией проф. В. И. Чичерова. Изд-во Московского университета, 1957, 515 стр.; «Былины». Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. «Библиотека поэта». Большая серия. Изд. 2-е, «Советский писатель», Л., 1957, 485 стр.

Последняя такого рода антология — Н. П. Андреева «Былины. Русский героический эпос», — изданная в большой серии «Библиотеки поэта» (1938), давно раскуплена и встречается далеко не во всех библиотеках; кроме того, вступительная статья в ней, охватившая в сжатой форме основные вопросы изучения былин и в свое время сыгравшая весьма положительную роль, сейчас в некоторых своих частях устарела.

племянницу князя Владимира», «Илья Муромец и Добрыня», «Добрыня и Дунай». С другой стороны, представляется излишним включение в антологию побывальщин о женитьбе Святогора и о его отце, никогда не бытовавших как былины, а также неудачного опыта Т. Г. Рябинина переложить в былинную форму библейское предание о Самсоне и Далиле. Можно было сократить и материал «шутовых старин». Вместе с тем число казачьих былинных песен следовало бы несколько увеличить и дать их в песенном распе по сборнику А. М. Листопадова 1949 г. В приложение следовало бы также ввести один-два текста былинных пересказов из рукописных сборников XVII—XVIII вв. Параллельно варианту былины «Илья и Идолище», принадлежащему к версии, где фигурируют Царьград и Константин Боголюбков, следовало дать вариант, в котором подвиг Ильи Муромца отнесен к Киеву.

В отношении вариантов былин материал сборника вызывает лишь несколько отдельных замечаний. Текст «Чурилы», записанный в 1930-х гг. от сказительницы А. М. Пашковой, бесспорно интересен и социальной остротой первой части (непонятно, почему составитель опустил обе замечательные в этом отношении ремарки сказительницы — в связи со стихами 2 и 473—474), и опытом создания сводной былино-поэмы о Чуриле. Но вторая часть в значительной степени утратила поэтическую прелесть многих самостоятельных обработок сюжета о Чуриле и неверной жене (см. в особенности олонечские варианты). Былина о молодости Чурилы известна тоже в хороших вариантах с Кенозера. Особенности же варианта Пашковой достаточно было бы использовать в комментарии. Не удовлетворяет и вариант «Птица». Лучше было бы взять не чулковский текст, сохраняющий следы книжности, а какой-либо из наиболее острого по социальному звучанию олонечских вариантов. Остальные тексты не вызывают возражений.

Но если самый состав сборника можно в общем считать удачным, то нельзя согласиться с расположением текстов. Вызывает, во-первых, недоумение четвертый раздел «Другие богатыри» (былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче вошли в три предыдущих самостоятельных раздела). В него включены былины о Василии Игнатьеве, Михайле Даниловиче, Сухмане, Суровце, Сауле Леванидовиче и Глебе Володьевиче, тогда как дальше после раздела, посвященного Святогору, мы видим былины о Волхе, о Вольге и Микуле, Иване Годиновиче и другие тоже богатырские былины. Они включены в шестой по счету раздел, объединяющий самый разнородный материал: былины социально-бытовые, героические, сказочные, шуточные, что подчеркнуто и самим заглавием. И хотя внутри раздела сделана попытка расположить былины по степени их родства, все же странно видеть в одном разделе собственно былины и пародии, былинку «Вольга и Микула» и сатирическую балладу о госте Терентьише, былинку «Садко» и шуточную старину «Ловля филина» и т. д. Если выделены в особый раздел «Горе», «Добрый молодец и худая жена» и т. п., почему не выделены отстоящие еще далее от богатырского эпоса «Птица», «Ловля филина», «Старина о большом быке» и т. п.? И почему все эти произведения включены в раздел былин и в основной корпус сборника, а казачьи былинные песни об Илье Муромце и Добрыне отнесены в приложение?

Сборник имеет обширный научный аппарат, назначение которого — вооружить читателя общими представлениями о былинном эпосе, познакомить с основными вопросами изучения былин и помочь в самостоятельной работе над материалом. Этому служат статьи П. Д. Ухова, которому принадлежит раздел о былинах в учебном пособии под редакцией П. Г. Богатырева (Учпедгиз, 1956)², обширный комментарий и библиография.

Статья Ухова охватывает вопросы: специфика жанра, история собирания былин, основные течения дореволюционной науки по вопросу о генезисе эпоса, история его развития, содержание и классификация, исполнители былин, художественные особенности жанра, значение эпоса в жизни народа, воздействие былин на литературу и искусство. Статья в целом правильно ориентирует читателя в поставленных вопросах, но имеет все же некоторые досадные пробелы.

В третьем разделе, дав краткое понятие о «школах», автор по сути отмахнулся от изложения взглядов советских исследователей в области генезиса эпоса, ограничившись заявлением, что «единого мнения советских исследователей по вопросу о том, когда стал складываться эпос, нет» (стр. 13). А между тем следовало познакомить читателя с теми направлениями и методами, которые наметились в этой области в советское время (Никифоров, Робинсон, Чичеров, Лихачев, Пропп), и дать им оценку.

Не удовлетворяет и раздел шестой — о сказителях XIX—XX вв. Здесь совершенно забыты, даже не упомянуты такие мастера былинного творчества, как Н. С. Богданова, Г. А. Якушов, И. Т. Фофанов, А. М. Пашкова, М. Г. Антонов, Ф. А. Конашков. Среди лучших сказителей конца XIX в. не названы Никифор Прохоров, И. П. Сивцев (Поморский), И. Феонов, Леонтий Тупицын. А ведь по качеству текстов они не уступают А. Сорокину и превосходят В. П. Щеголенка, который интересен как характерный тип импровизатора, как превосходный рассказчик легенд и сказок, интересен по своим

² Статья повторяет указанный раздел (что совершенно естественно), добавлено лишь несколько страниц о трех «школах» — мифологической, заимствования и исторической.

связям с Л. Н. Толстым, но как сказитель едва ли может быть поставлен в один ряд с наиболее выдающимися сказителями, такими, как Трофим Рябинин, А. М. Крюкова и М. Д. Кривополенова. Разумеется, в краткой вступительной статье невозможно уделить достаточно места всем названным сказителям, но надо было хотя бы упомянуть о них с отсылкой к специальной литературе, которая уже имеется.

Вообще жизнь эпоса в позднейший его период, судьбы его в наше время нашли весьма слабое отражение в статье. Недостаточное внимание к современным процессам развития эпоса в известной мере сказалось и в библиографии, и в корпусе антологии. Так, приведя (на стр. 25) краткую библиографию сказок об Илье Муромце (что следует приветствовать), автор совершенно не указывает записей советского времени, которые говорят о неугасающей популярности образа Ильи Муромца. В сборнике совсем нет образцов былинных напевов, а они помогли бы читателю представить себе характер исполнения былины, богаче раскрыли бы ее подлинную и полноценную жизнь в устной традиции. Напомним, что в известной антологии М. Н. Сперанского имеется несколько таких образцов³.

Задача комментария определяется П. Д. Уховым так: «помочь читателям разобраться в сложном, создаваемом веками материале, объяснить неясные вопросы, связанные с пониманием конкретного былинного произведения» (стр. 47). Но тот тип комментария, который принят в сборнике, вряд ли способен осуществить эту задачу. В центре его — ознакомление читателя с теми разнородными и противоречащими друг другу решениями и гипотезами о происхождении отдельных сюжетов, которые принадлежат представителям различных дореволюционных течений в фольклористике, а также некоторым советским ученым. Своего отношения ко всем этим утверждениям автор, как правило, не дает, согласно принятому им и изложенному в статье (стр. 48) принципу: в «спорных случаях» не давать «категорического решения вопроса», а только излагать «различные точки зрения». Если же автор иногда и высказывает свое отношение к излагаемой концепции, то делает это нечетко и в слишком общей форме. При таком «эпическом» изложении различных точек зрения у малоподготовленного читателя (а к таковому и обращен сборник) не может быть ясности в понимании вопроса о происхождении былинных сюжетов. Возникает вопрос: нужен ли вообще в антологии такого рода комментарий? Не лучше ли было дать ссылку на уже сделанные подобные сводки различных мнений о сюжете в «Былинах Севера» (т. I, М.—Л., 1938) и в книге В. Я. Проппа «Русский героический эпос» (Л., 1955) и только внести в имеющиеся там критические оценки приводимых положений свои коррективы?

Кроме того, сосредоточение внимания читателей главным образом на вопросе о конкретных исторических прототипах героев былин и о конкретных исторических событиях, которые могли отразиться в былинах, стоит в явном противоречии с совершенно правильным замечанием об общенном изображении действительности и обобщенных образах в былинном эпосе (стр. 4).

Вместе с тем в соответствии с выдвинутой задачей комментария совершенно необходимо было раскрыть идейно-художественный смысл и значение сюжетов былин, а также характерные идейные и художественные особенности публикуемых вариантов, что совершенно не нашло места в комментарии (а в статье встречается лишь в немногих отдельных случаях). Так, целая страница посвящена разным толкованиям, начиная с мифологических, образа Соловья-разбойника, но не раскрыт смысл сюжета и не отмечена замечательная архитектура варианта Т. Г. Рябикина.

Автор подробно останавливается на попытках связать былинку о Ставре с отмеченным летописью фактом заточения новгородского боярина Ставра Владимиром Мономахом (не показывая, однако, своего отношения к этим попыткам), но не раскрывает идейной направленности былины, ее художественной природы, отмечая лишь несущественные детали (перечисляет, чем хвастает Ставр; говорит об устойчивости имени героя и неустойчивости имени его жены и т. п.). Такой характер носит большинство комментариев.

Встречаются в них неточности и неверные указания. В комментарии к сюжету о Соловье-разбойнике (стр. 454) говорится, что в эпизоде освобождения Ильей Чернигова В. Ф. Миллер видел будто бы отражение исторического события — освобождения города Себежа в 1535 г. от поляков и литовцев и что в «древних записях былин — XVI—XVIII вв. — вместо Чернигова обычно называется Себеж». И то и другое неверно. Возникновение сюжета В. Ф. Миллер относил к более раннему времени, а в появлении редакции с городом Себеж видел более позднюю замену места действия⁴ (т. е. как раз наоборот!). В старинных записях былин имеется, кроме «себежской», и другая версия, по которой освобождается именно Чернигов⁵, что неоднократно отмечалось в литературе, начиная с Л. Н. Майкова и Н. С. Тихонравова.

В комментарии к былинке 7 говорится, что в былинах на сюжет «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (стр. 459) Ермак выведен племянником Ильи Муромца. Однако

³ «Былины». Под редакцией М. Н. Сперанского, изд. Сабашниковых, т. I, 1916; т. II, 1919.

⁴ См. В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III, М.—Л., 1924, стр. 128—130.

⁵ См. «Русский фольклор», т. II, М.—Л., 1957, стр. 293—296.

чаще он оказывается племянником князя Владимира, что мы и видим в варианте, публикуемом в рецензируемом сборнике (стр. 95—96).

На стр. 462 неверно утверждение, что былина «Илья Муромец на Соколе-корабле» возникла на основе песни-баллады о Разине, отразившей его персидский поход. Былина, очевидно, действительно связана с казачьими походами на Каспий и столкновениями казаков с турками, ногайскими татарами и персами, но отнюдь не с конкретным фактом похода Разина. Имя Разина в песне о Соколе-корабле встречается в единичных случаях, это позднейшее включение. На стр. 471 есть неточное указание, что в былине об Алеше Поповиче и Тугарине из сборника Кириши Данилова «в один текст соединены два варианта одного сюжета», тогда как здесь две разные сюжетные обработки одной темы. На стр. 499 повторяется мое ошибочное указание на запись прозаического пересказа былины «Бутман» в Заонежье экспедицией братьев Соколовых в 1926 г. и мое предположение, что былина занесена была в Кижи с Печоры. В. Я. Пропп правильно указал на эту мою ошибку⁶, которая была обусловлена тем, что я еще не видела тогда самой записи и доверилась сообщению Соколовых, которые указали ее в списке записанных былин и исторических песен⁷. Сама же запись была опубликована только в 1948 г. и оказалась краткой передачей другого по содержанию предания.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие комментария к шуточным старинам и к былинам-балладам. О художественной природе первых, характере комического в них нет ни слова. Касаясь былин-баллад, автор указывает на степень распространенности каждого из сюжетов, что явилось неожиданным, так как степень распространенности того или иного былинного сюжета им не отмечается.

Обильная библиография (списки основных вариантов сюжета, литература о сюжете, общая библиография по былинам) принадлежит к числу положительных сторон сборника. В целом она составлена внимательно, но в отдельных случаях встречаются досадные неточности. На стр. 7 указано несуществующее издание: «Труды сектора народного творчества Института русской литературы АН СССР» (имеется в виду «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., 1956); неточно дана ссылка на «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга (стр. 9): собрание названо трехтомным; но оно стало таким лишь со 2-го издания, 1-е же издание 1873 г. вышло в одном томе; на стр. 12 в примечании среди основных работ В. Ф. Миллера указаны в первую очередь «Эксперсы в область русского народного эпоса». Это примечание связано с указанием, что В. Ф. Миллер — один из главных представителей исторической школы. Следовательно, примечание может вызвать ложное представление, будто и «Эксперсы» (книга компаративистского направления) отражали взгляды исторической школы. Есть незамеченные опечатки в датах: сборник «Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева» вышел не в 1934, а в 1939 г. (стр. 8); том II «Архангельских былин» А. Д. Григорьева выпущен в Праге в 1939, а не в 1924 г. (ошибка эта встречается дважды — на стр. 9 и 505). В примечании на стр. 17 не указан том собрания сочинений Добролюбова; на стр. 36 неточна ссылка на книгу, посвященную М. Д. Кривополеновой⁸; на стр. 504 дается путаная библиографическая справка о Гильфердинге. Отмечу еще совершенно неудобочитаемое и невоспринимаемое сокращение ОПИРНПТ, что расшифровывается — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества».

Возражения и сомнения вызывают и некоторые словарные пояснения. Почему слово *заколотеть* поясняется — «замерзнуть»? *Заколотеть* значит загромоздиться упавшими деревьями, колодами, подобно тому как *замураветь* (в былине здесь синтаксический параллелизм) означает покрыться муравой, т. е. травой. *Облелеять* более правильно пояснить — разлиться вокруг чего-нибудь, окружить, а не — *облить*, как дано в словарном пояснении (см. в былине 20: «И не вешняя вода облелеяла, обступила кругом сила поганая»). Предположительное пояснение выражения *горючий камень* как намогильный (очевидно, по ассоциации с «горючими слезами») кажется мне также сомнительным. *Горючий* означает, по Далю, — способный к горению, легко загорающийся. Поскольку *горючий* как былинный эпитет камня обычно употребляется в сочетании *бел горюч камень*, — не есть ли это камень известковый? Но стоит ли вообще давать какое-либо пояснение этому слову? Достаточно отметить, что это — постоянный былинный эпитет камня в обычном сочетании, указанном выше.

Резюмируя все сказанное, приходится признать довольно значительные недоработки и недостатки в рецензируемом сборнике. Несмотря, однако, на это, сборник, благодаря хорошему в целом подбору текстов, обширной библиографии, многим необходимым при изучении былин сведениям, даваемым в статье и отчасти в комментариях, будет полезен и в вузовском преподавании, и при самостоятельном знакомстве с былинами. При вторичном издании, однако, сборник желательно основательно переработать.

⁶ «Русский героический эпос», стр. 546.

⁷ «Художественный фольклор», тт. II—III, М., 1927, стр. 28; «Revue des études slaves», т. XII, стр. 214.

⁸ М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Редакция, вступительная статья и примечания А. А. Морозова. Архангельск, 1950.

*
*
*

Второй рецензируемый сборник, вошедший в серию «Библиотека поэта», в отличие от первого не ставит специальных научно-учебных задач, связанных с вузовским преподаванием. Отсюда такие его особенности, как полное отсутствие библиографии, ограничение содержания только собственно былинами (из произведений смежных жанров даны в конце лишь три сюжета), отсутствие во вступительной статье каких-либо сведений по истории собирания и изучения эпоса. Назначение книги — познакомить читателя с основным сюжетным составом русского эпоса в его лучших образцах. Научный аппарат книги — статья Б. Н. Путилова и комментарий — направлен лишь на то, чтобы помочь читателю глубже воспринять идейно-художественное содержание былин, понять их место и значение в истории развития русской поэтической культуры. С этой стороны статья и комментарий представляют крепкое единство: статья дает общее представление о художественной природе русского эпоса и об этапах его развития, комментарий раскрывает идейный смысл каждого сюжета и, когда это требуется, его исторические основы. Чтобы помочь полнее представить художественное многообразие эпического творчества, в комментарий вводятся иногда еще замечания о других образцах одних и тех же сюжетов.

В своей статье Б. Н. Путилов главное внимание уделяет раскрытию своеобразия того «эпического мира», который заключен в былинах, и делает это очень удачно. Надо признать в целом удачным и раздел, посвященный путям развития русского эпоса. Напрасно только автор так упорно подчеркивает наличие мифологического пласта архаичных черт в нашем эпосе, что приводит к известному преувеличению в этой области. «Архаичность» образов былинного эпоса часто остается лишь указанной, но не раскрытой. Так, на стр. 15 говорится: «Как бы ни были архаичны по своим истокам образы Садко или Васьки Буслаева, их невозможно уже представить вне Новгорода». Если и согласиться с тем, что некоторые мотивы былины о Садко имеют «мифологические истоки», то что же архаичного в самом образе Садко? В примечании к былине о Василии Буслаеве сам автор говорит: «Образ этот есть порождение Новгорода», никаких архаичных черт в нем автором не отмечается. Не раскрыты и те «древние основы» образов Ильи Муромца и Добрыни, о которых говорится на той же 15-й странице: «К каким бы древним основам ни возводили мы образы Ильи Муромца или Добрыни Никитича, но герои эти принадлежат Киеву...», а на стр. 455 мы опять читаем: «...в образе Добрыни и в сюжетах о нем немало архаичных черт». В каких сюжетах? Только один из приведенных сюжетов — о Добрыне и Змее — разрабатывает действительно древнюю тему змееборчества. Но что в самом образе Добрыни архаичного, остается нераскрытым. Автором только указан, но не раскрыт «мифологический смысл» (в далекой традиции) дороги к Соловью (стр. 452). Вследствие постоянного подчеркивания архаических черт эпоса происходит, вопреки намерениям самого автора, некоторое смещение соотношений основного в эпосе, принадлежащего средневековью, и отзвуков доклассового периода.

Статья и комментарий вызывают и отдельные частные замечания. В разделе о стихе хотя и говорится, что он «песенный» и «теснейшим образом связан с мелодикой былин» (имеется в виду музыкальный напев), однако вопрос о строфике рассматривается как раз обособленно. Вся эта часть очень неясна. Приведенные на стр. 23 примеры совершенно не убеждают в строфичности былинного текста, так как мы не видим в них основного признака строфы — повторяющейся на протяжении всего стихотворного текста или его части метрически организованной (посредством особого расположения рифм или клаузул) группы стихов.

Жаль, что слишком мало внимания уделено сказителям и особенностям исполнения былин. Кстати, как и в первом сборнике, бросается в глаза отсутствие образцов былинных напевов. В разделе, где говорится об угасании былинной традиции на современном Севере, несколько преувеличенно рисуется распространенность былинного искусства в прежние времена. Оно никогда не было массовым, и «в пределах ограниченного района» сказители сотнями никогда не насчитывались.

Замечается, правда не часто, категоричность некоторых утверждений без аргументации их (см., например, стр. 459 — о возникновении быliny «Михайло Данилович», стр. 466 — о вероятной древности основных мотивов быliny «Бой Добрыни с Дунаем»). Слишком категорично утверждение о литературном происхождении термина «былина» (стр. 5), тогда как имеются веские данные о его народности.

Что касается текстов былин, то в данном сборнике, как и в первом, отбор произведен весьма тщательно. Хочется высказать лишь сожаление, что в сборник не включены сюжеты о женитьбе Добрыни и о Рахте Рагнозерском (интересный образец поздней быliny, возникшей на основе местных преданий и получившей некоторое распространение) и что рядом с былиной об Илье и Идолище, где действие происходит в Киеве, не дан вариант другой версии — с Царьградом (кстати, в примечании к варианту И. Т. Фофанова не отмечен характерный факт замены исполнителем Царьграда Киевом в усвоенном от Никифора Прохорова тексте). С другой стороны, можно было бы без ущерба исключить «Старину о большом быке», о которой сам автор говорит, что ее содержание неясно.

Принцип расположения текстов указан в общей части комментария (стр. 445), и с ним можно согласиться. Однако во второй половине корпуса логика расположения не всегда улавливается. Непонятно, например, почему былины «Бой Добрыни с Дунаем» и «Дунай» включены между былинами со сказочным и легендарным содержанием, почему «Ставр» помещен среди былин с преобладанием социальной проблематики, а былина «Чурила и князь», отмеченная яркой социальной окраской, отнесена к былинам с бытовым содержанием.

Напрасно издатели отказались от нумерации стихов, давно вошедшей в практику издания не только научных сборников, но и больших антологий. Отсутствие нумерации затрудняет пользование текстами. Отмечу еще одну досадную мелочь: наименование иллюстрации на стр. 399 «страницей из сборника Кириши Данилова» может ввести в заблуждение, так как это всего лишь часть страницы. Вообще следовало бы, с целью дать представление о характере этого сборника, привести всю страницу целиком.

Большинство моих замечаний имеет частный характер. В целом же сборник былин, вошедший в серию «Библиотеки поэта», — хорошая книга, удачно осуществившая поставленную автором задачу. Сборник несомненно привлечет к себе внимание самых широких кругов читателей.

А. М. Астахова

В. Е. Гусев. *Русские народные песни на Южном Урале*. Челябинск, 1957, 172 стр.

Сборник «Русские народные песни на Южном Урале» содержит в основном тексты, записанные студентами Челябинского педагогического института во время экспедиций 1947—1955 гг. Принципы и методика собирания, которыми руководствовались студенты, были изложены составителем сборника и руководителем экспедиций В. Е. Гусевым в специальной статье, опубликованной в 1953 г. в другом сборнике¹. Молодые филологи стремились выбрать объекты, где наиболее рельефно выступают типические процессы современного народного творчества, а фольклорную традицию изучали в ее связи с экономикой, бытом и культурой населения, сочетая собирательскую деятельность с культурно-просветительной работой.

Рецензируемый сборник включает лишь небольшую часть собранного материала. Составитель отбирал прежде всего песни, которые еще не были опубликованы уральскими фольклористами в послевоенные годы. Далеко неполно использован в нем и собранный историко-этнографический материал. И все же сборник займет свое место в истории советской фольклористики. Как известно, дореволюционные собиратели (Н. Г. Мякушин, А. И. Мякутин, А. и В. Железновы, Ф. Н. Баранов) и советские (И. С. Зайцев, В. П. Бирюков и др.) обследовали лишь крайне ограниченную территорию горнозаводских районов Южного Урала. При некоторых достоинствах их сборники не отражают действительного характера фольклора отдельных общественных групп, засорены произведениями, не полноценными в идейно-художественном отношении, и представляют лишь дореволюционное песенное творчество Южного Урала.

Сборник народных песен В. Е. Гусева также не лишен недостатков, но он основан на всестороннем изучении фольклорных процессов крупнейших горнозаводских, сельскохозяйственных и бывших казачьих районов Южного Урала, значительно расширяет наши представления о путях развития и особенностях современного народного творчества.

Сборник содержит все известные виды песенного фольклора южноуральского населения. В разделе дореволюционных песен (112 номеров) представлены песни исторические, казачьи, рекрутские, солдатские, «тюремные», «разбойничьи», свадебные, игровые и хороводные, плясовые и шуточные, песни рабочих и песни литературного происхождения. Раздел советских песен (50 номеров) состоит из произведений периода гражданской войны, периода 1920—1930-х годов, Великой Отечественной войны и послевоенных лет. Очень ощутим разнород в классификации материала сборника: дореволюционные песни собраны в жанровые группы, а советские, будто бы утратившие жанровые признаки, — по периодам.

Исторические песни охватывают большой период жизни народа — от крестьянского восстания под руководством Степана Разина до первой мировой войны.

Творческое отношение населения Южного Урала к произведениям старинного фольклора сказалось и в том, что особенно любовно передаются песни, связанные с социально-историческим прошлым края и тематически близкие к произведениям других жанров уральского фольклора. Раздел исторических песен сборника хорошо отражает уральскую специфику; оправданно, например, включает составитель варианты песен о «сынке» Разина. По широте распространения разинских песен Уральский край

¹ В. Е. Гусев. К изучению народного творчества Южного Урала, «Фольклорно-диалектологический сборник», Челябинск, 1953, стр. 16—38.